

ПЛАСТИКОВЫЙ САД

Саша вошел в холл фитнес-клуба и, бросив куртку гардеробщице, двинул в раздевалку. У стены, до потолка покрытой зелеными пластиковыми зарослями, на невысокой лесенке стояла девушка и что-то там в этих листьях и цветах ковыряла. Маленького росточка, в джинсиках и розовой футболочке, черные волосы уложены на затылке здоровым узлом, почти с голову размером. *«Как неваляшка»*. Позавчера он на пару с приятелем оказался в музее игрушек. Шли по Карповке, вдруг перед носом вывеска *«Музей игрушек»*, показалось: зайти — прикольно. Зашли.

«Узбечка, наверняка», — Саша проходил мимо лесенки, и задрал голову спросил:

— Что, так разрослись, что подстригать приходится?

Девушка крутанулась на своем пьедестале. Хлипкая конструкция, будто только и ждала этого, качнулась и начала заваливаться. Ойкнув, девушка потеряла равновесие и рухнула прямо в подставленные Сашины руки. Узел волос развязался, они рассыпались шелковым занавесом до самого пола. В лицо ему дохнул едва уловимый ветерок с непознаваемо восточным запахом чего-то сладкого и теплого, как нагретое на солнце дерево.

Она была легкая, как ребенок. А лицо... *«Таких лиц не бывает у настоящих девушек, только у картиночных в инстаграме, даже нет, откуда там, только на старинных портретах...»* У нее были совершенно потрясающие глаза, большие и черные, ускользающие к вискам: *«Нефертити»*.

— Ну поставьте уже меня, — она затрепыхалась рыбкой.

Он слегка прижал ее к себе:

— Скажете, как вас зовут, — отпущу.

— Зачем вам мое имя?

— Засушу его как цветок в книге своей судьбы.

Она рассмеялась, смех был неожиданно низким, глубоким, бархатным:

— Засушите. Наргиза. Меня зовут Наргиза.

Он поставил ее на ноги:

— Наргиза – это же нарцисс? О, цветок души моей, — он поклонился, отведя правую руку в сторону.

Когда Саша уходил из клуба, девушки возле заросшей стены уже не было, и он не вспомнил о ней.

Ночью ему снилось что-то тревожное, но что именно, он сказать не мог. Осталось только ощущение потери, сосущей пустоты сродни голоду, и чувство вины, его явной вины в чем-то, о чем он не помнил.

Потом это повторилось. И еще раз. Уже под утро.

Он шел по лесу. Это был ненормальный лес, ненастоящий: деревья были похожи на вешалки, под ногами скрипела пластмассовая серая трава. Разлапистые листья крючками цепляли за рукава, когда он разводил ветки, совали в лицо жесткие пальцы. Саша вышел на поляну. Посредине высокая лестница уходила прямо в темное небо. Где-то там, высоко-высоко стояла девушка, она махала ему рукой, и он знал, что должен залезть туда, к ней, на самую верхотуру. Полез. Холодный колючий ветер старался сдуть его, он жался к скрипучей качавшейся лестнице, крепко хватаясь за каждую перекладину. Наргиза звала его.

А потом девушка упала. Она падала беззвучно и медленно, долго-долго, и он снизу смотрел, как приближается ее легкое тело, вращаясь голубиным пером. Надо было разжать руки и поймать ее. Но тогда они упадут вместе. И он не смог разжать пальцы, вцепившиеся в шершавую деревяшку. Наргиза пролетела мимо. Он проснулся.

Все было по-прежнему. Ничего не изменилось. Встать под душ, почистить зубы, «Мама, где моя рубашка? Да, спасибо, яичницу буду», телефон, ноут, машина, офис. Но все утро, и под душем, и в автомобиле, пока продирался сквозь пробки в центр, не отпускало это, непонятно откуда выросшее в нем, чувство вины. Испугался, не поймал, пропустил. Нет, пожалуй, все же не вины. Пожалуй, утраты. «Пропустил» — вот ключевое слово. Постепенно оно проступало сквозь ошметки тающего в мозгу сна. *«Я упустил, что-то важное... Что-то связанное с этой мелькнувшей девушкой, совсем чуждой, чуждой и непонятной, другой».* Эта мысль стеклянно звякнула в его голове, будто лопнул большой и красивый елочный шар.

Приходя в фитнес-клуб, Саша каждый раз поднимал взгляд на заросшую пластиковыми листьями стену. Он понял, что ждет. Ждет, когда стена снова обрастет настолько, что ей понадобится садовница.

Но она не появлялась. Прошел месяц... второй... Растаяли последние ошметки серого льда под деревьями бульвара, напыжились почки на каштанах

за Манежем. На капоты припаркованных машин вылезли валяжные кошки, погреться под скупым весенним солнышком. А Наргизы не было. Саша устал ждать. Надо обязательно увидеть ее. Хотя бы для того, чтобы убедиться, что все это — наваждение, морок. Увидеть и понять, что не нужна она ему, что просто показалось, померещилось что-то в ней на мгновение. Увидеть и успокоиться, забыть.

— А кто за цветами на стене ухаживает? — Спросил он девушку у стойки.

— Не знаю, — пожала та плечами. — Если хотите, я у менеджеров спрошу.

Он хотел. И выходя после тренировки, еще раз поинтересовался, кто.

Девушка сунула ему зеленую визитку:

— Вот. Фирма «Ваш сад».

Он сжал маленький кусочек картона. Это был его билет к ней, той нездешней девчонке из его сна. Теперь он ее не пропустит. Сел в машину, разглядел визитку на ладони. Контора располагалась на Английском проспекте. *«Метнусь прямо сейчас, пока рабочий день не закончился. Пятница конечно. Но успею».*

«Ваш сад» оказался маленькой комнатухой за железной дверью на первом этаже облезлого дома в глубине проходных дворов, ближе к Пряжке, где на другом берегу желтел высокий забор дурдома. Разговор с теткой, сидевшей в «Саду» тоже казался Саше каким-то дурным, идиотским.

— У вас девушка работает, узбечка, Наргиза.

— Откудова мне каких-то узбечек знать, — через губу отвечала тетка в серой кофте и вязаной шапке, из-под которой выбивались оранжевые жесткие космы. — Вы услуги заказывать будете?

— Мне ваши услуги не нужны, я девушку ищу. Она в фитнес-клубе «Атлетикс» цветы окучивала.

— Девушек ищите себе в другом месте, у нас тут приличное заведение. Можем вам зимний сад устроить. В офисе или дома. С сопровождением. Вот каталог. Посмотрите.

— У вас же есть списки работников. Поищите. Наргиза...

— Не будете заказывать? Тогда я закрываюсь.

Саша терял терпение. Сколько можно?

— Послушайте, мадам, ваша сотрудница у нас в клубе работала... — он задумался, подыскивая аргументы, доступные этой непробиваемой скале в вязаном коконе, и вдруг сообразил, — она у меня лопатник из куртки сперла и смартфон. Вы хотите, чтоб я на вашу контору заяву в полицию накатаю? Так я накатаю! Вы еще небось и нелегалов нанимаете. Менты вам кузькину мать покажут. Прикроют вашу садовую богадельню.

Тетка хлопнула глазами. Словно переключила режим:

— Так бы и сказали, что с полицией. Чего кричать? А с нелегалами мы нет, не работаем. Вот тут у меня все: патенты, копии паспортов, адреса, — она потянула со стеллажа, стоявшего за спиной, толстую красную папку, — вот, пжалте, ищите свою...э-э... девушку.

Саша перебирал файлы с ксерокопиями. «Азиаток» было всего трое: Асмира Мухамеджанова, Нафиса Абдурашитова, Шукрона Абдуззохирдухт. Все это были тетки, далеко за сорок. Никого похожего на Наргизу не было. Но ведь она была! И пришла к ним в клуб от этой конторы! Значит, вязаная глыба срывает что-то. Не все у нее в этой красной папке.

Он молча положил на стол пятитысячную купюру.

Голубенькие морщинистые веки хозяйки «Сада» схлопнулись на секунду. И снова переключился режим:

— Чё, много ukrала?

— Да откуда много-то? Всё!

— Ладно, — тетка потянула на себя папку, невзначай прикрыв ею купюру, — вот эта, — ноготок с чуть пооблезлым розовым лаком постучал по листу с ксерокопией паспорта Нафисы Абдурашитовой. — Пришла тут, просит: «Пусть племяшка за меня поработает, я покуда домой метнуся месячишка на два, а оформлять не надо». Тая и поработала. А звали тую, точно, Наргиской. Фамилию не упомяну. Твоя, наверное. Ишь, дрянь. Может, не токо тебя обобрала. За два-то месяца много можно успеть.

Не поймешь, осуждение или зависть в голосе.

Тетка вытащила лист из папки, сунула его Саше под нос:

— На вот, адрес Нафиски запиши, может и свою найдешь. А если из ментовки жалоба придет, Нафиску уволим. При делах она иль нет — без разницы.

Она захлопнула папку, не глядя, ловко воткнула на старое место на полку за спиной. Купюры на столе уже не было.

Он с трудом запарковал свою ауди на углу Галерной недалеко от мостика, ведущего к Адмиралтейским Верфям. Вечер уже, поди сыщи местечко. Бросать машину во втором ряду не решился, вот и проехал через всю улицу до упора. Сейчас он шел обратно к Площади Труда, выискивая нужный номер дома. Вот он — трехэтажный особнячок, бывший, конечно — глухая оштукатуренная стена с аркой, ворота настежь. Из-за стены высовывают корявые черные руки деревья. «Как заключенные», — света на улице было не много, и Саше все тут казалось мрачным. Во дворе было почти темно, светились только желтые окна и полукруглая арка, ведущая в следующий двор. Он пошарился по подъездам, поискал тридцать пятый номер квартиры. Не нашел. Двинул к следующей арке. Отделанная изнутри белой плиточкой, она сверкала в свете длинных люминесцентных ламп, прикрученных к ее потолку. Как вывернутый наизнанку айсберг, похороненный в вечном мраке океана. Две двери подъезда в самом заднем корпусе. Между ними опять арка, уже на набережную. Она заперта воротами без намека на калитку, намертво. Возле подъезда, что справа, на первом этаже открыто кухонное окно. Оттуда вылетают вкусные запахи: прокаленного на сковороде масла, чеснока, чего-то мясного, может быть котлет, и еще какая-то свежая, холодная нота — лимон(?), лайм (?). Он пошел вдоль этой стены, заглянул в окно. В глубине кухни у плиты виделась округлая фигура, явно, женская, несмотря на беспольный наряд: спортивки и футболка. Саша решил, что это именно та самая, нужная ему, квартира. И не ошибся, на синей жестянке у двери подъезда первой была прописана цифра «35».

Дверь подъезда не была заперта, потянул за ручку — открылась. Вот она, тридцать пятая квартира. Высокий двусторчатый, крашенный дешевой коричневой краской портал в мир, где его ждет Наргиза.

Позвонил. И еще раз. Ну что они там, оглохли что ли?

Дверь лязгнула железной челюстью и открылась. В проеме — давешняя кухонная фигура, тетка лет пятидесяти, круглое лицо, азиатские запятые глаз.

— Нафиса Абдурашитова — это вы?

— Не-е-ет... А что-о-о? — тянула она.

— А Нафиса Абдурашитова где?

— Нафиса-а-а! — закричала тетка в темную глубь квартиры, и дальше что-то не по-русски, наверное: «Тут к тебе-е-е...»

Саша отодвинул ее и шагнул в коридор. Здесь горела только одна лампочка, и почему-то не на потолке, а на стене, над маленькой тумбочкой с допотопным телефоном. Дальше, за этой тумбочкой, вообще был полный мрак. Оттуда вынырнула еще одна женщина, проплыла через световой поток, отбросив искривленную угловатую тень. Встала перед Сашей. А первая, шагнув назад, сразу растворилась в сумраке. Но вторая была ее точной копией: веретенообразная фигура, самая широкая часть затянута в черные леггинсы, белая футболка. Разве, что глаза чуть шире.

— Вы Нафиса Абдурашитова?

— Я. А что?

Он быстро, заранее отработанным жестом, выхватил из кармана куртки корочки с фотографией, прикрыв пальцем слово «пропуск», сунул на мгновение тетке в нос и тут же спрятал:

— Капитан Иванов, полиция. Мне нужна ваша племянница Наргиза. Где ее найти?

Он старался говорить коротко и четко, не давая собеседнице времени на раздумья. Та пожевала губами, переступила с ноги на ногу, с мыслями собиралась.

— Да не племянница она мне никакая. Соседка. Да и нет ее. Уехала.

Вот все и рухнуло — уехала. Раньше надо было. Не ждать два месяца. А теперь поздно. Зря дергался. Пропустил. Но вместе с досадой Саша испытывал и некоторое облегчение — все закончилось. Больше не будет маячить у него в мозгу эта эфемерная, недоступная девушка. Нет ее. Исчезла. И делать ему больше нечего в этой полутемной коммунальной норе. Но на автомате успел спросить:

— Как уехала? Куда?

Тетка пожала плечами:

— Да известно куда... Товар повезла во Всеволожск.

Не исчезла. Тут, совсем рядом.

— Вернется когда? Я подожду.

Она опять равнодушно пожала плечами:

— На кухню идите. Там ждите.

Сразу за тумбочкой, накрытой световым колпаком, оказался проход вправо, и в нем дверь в ту самую кухню, в которую Саша заглянул со двора. Пара газовых плит, пяток разномастных столов под клеенками, полки, кастрюли и сковородки, эмалированная раковина в углу. Теперь он сидел на табуретке возле окна. Через приоткрытую раму поддувало, и куртку он не снял. Ждать пришлось долго. Он сидел час и другой, смартфон почти разрядился, ловить в нем было нечего. В кухню постоянно кто-то заходил: женщины, мужчины, они переговаривались вполголоса, иногда смеялись, гремели посудой, рождали новые запахи еды. На Сашу никто не обращал внимания. Пару раз хлопала входная дверь, и тогда он подхватывался, выскакивал в коридор, но это была не Наргиза. Он возвращался на свою табуретку, приваливался спиной к теплому батарейному стояку. Закрывал глаза. Ни о чем не думал. Просто ждал.

Возможно, задремал. Так или иначе, но хлопка двери он не услышал. В коридоре забубнили женские голоса, и из непонятной речи выскочило русское: «полиция». Конечно, это пришла она. А тетка, как ее... Нафиса, или какая другая, предупреждает: «Полиция за тобой». Саша вскочил, из кармана рыбкой вынырнул мобильник, шлепнулся под ноги. Не стал поднимать. Некогда. Опять упустит. Девчонка сбежит, проскочит через льдисто-сверкающую арку и исчезнет в плотном сумраке города. Теперь уже навсегда.

Девушка стояла у двери. Это точно была та самая садовница — в едва дотянувшемся желтом лучике глянцево отсвечивал тяжелый узел волос на затылке. Она — уже приоткрыла входную дверь, еще шаг — и нет ее.

— Наргиза! — Закричал Саша. — Подожди! Я не из полиции! Я из фитнесклуба!

Он выскочил в световой круг возле тумбочки — пусть увидит, узнает. Добавил уже тише:

— Ты у нас кусты на стене подстригала. И упала... А я поймал...

Девушка обернулась. Оказалось, он совсем не помнит ее лицо. Видел один раз и успел забыть. Только глаза — бархатные крылья бабочки-траурницы. Сейчас даже в полумраке прихожей, а может именно из-за этой клубящейся темноты, лицо ее показалось светящимся. И он задохнулся на мгновение той же мыслью, что и в первый раз: *«Таких лиц не бывает... Разве*

что на портретах Леконта-Верне...» Девушка пошла ему навстречу. Входная дверь разочарованно скрипнула и захлопнулась.

Они стояли у телефонной тумбочки. Между ними в столбе неяркого света плавали пылинки. Где-то за спиной вздыхала, ворочалась, позвякивала крышками кастрюль, словно кастаньетами, обширная квартира. Но Саша перестал ее слышать. Он завяз в карамельной густоте раскосых глаз, что требовательно уперлись снизу-вверх в его лицо. «Ну, — спрашивали глаза, — зачем ты пришел?» Девушка молчала.

— Я... Меня Сашей зовут... Ты тогда с лесенки упала, помнишь? — Начал он путанно.

«Черт-черт, не о том... Что я, как идиот...» — Билось у него в голове. Он вдохнул поглубже, досчитал до трех, выдохнул и начал заново:

— Я, знаешь, понял, что должен обязательно увидеть тебя еще раз. Обязательно. Не знаю зачем. Может быть просто, чтобы отвязаться. Выкинуть из головы. Я ждал, что ты опять придешь это дурацкий куст стричь, или что ты там с ним делала... Ты не приходила. Я пошел искать. Вот нашел.

Он не знал, что еще сказать, развел руками, повторил:

— Я должен был тебя увидеть.

Она кивнула:

— Ясно. Обсессия.

— Что?

— Ну, обсессия, навязчивая идея, не поддающаяся контролю. Когда человек думает, что надо что-то обязательно сделать или пойти куда-то, или еще что-нибудь. И он сам не понимает зачем, просто должен и все. И если не сделает, то все, труба.

— Да нет, я... — Саша помотал головой, — я знаю, что такое «обсессия», я...

— А-а-а, понятно, — Наргиза улыбнулась, — ты удивился, услышав такое заковыристое словечко от узбечки-гастарбайтерши.

Ему показалось, что он краснеет. Глупость какая. Почему ему должно быть неудобно перед незнакомой девчонкой? Но ведь смутился же? Точно смутился. Кашлянул в кулак:

— Ну, в общем, да.

Она рассмеялась. Густым своим, теплым смехом. Завораживающим. И это сделало их ближе. Мгновенно.

— Ладно. Пойдем, поговорим, — она потянула его за рукав в черное жерло коридора.

— погоди, я там телефон уронил, — он нырнул в кухню, поднял валявшийся возле табуретки айфон.

Она привела его в свою комнату. Маленькую совсем комнатушку, длинную кишку, упирающуюся в занавешенное окно. По одной стене стояла двухэтажная икеевская кровать, за ней, ближе к окошку – стол, простой белый, кухонный, пара стульев. Между всей этой мебелью и второй стеной — неширокая тропинка. И все, абсолютно все, кровать, стол и стулья, подоконник и стены, были завалены, завешаны искусственными цветами: розами, ветками мимозы, пионами и ромашками, венками и гирляндами. Такое ощущение, что комната заросла пластмассовой порослью. Форточка за колыхавшейся шторой была открыта. И казалось, лепестки шевелятся, шепчутся, живут. В углу за дверью стоял большой черный мешок, из него тоже высовывались цветочные головки, подглядывали.

— Ух ты! — выдохнул Саша, — Эдемский сад.

— Да, только бутафорский. Садись, — девушка сняла со стула пластиковый цветок, шапку желтых нарциссов на единой пластиковой ножке, сунула ему в руки, — это тебе. Ты же хотел засушить мое имя в книге своей судьбы.

Она помнила. Это грело.

— Ну рассказывай, — сняла куртку, бросила ее на второй ярус кровати, присела на край.

Теперь она была совсем как девушка с полотна Леконта-Верне, этого француза, влюбленного в восточных красавиц. Ровный овал лица с чуть выпуклым подбородком, прямой нос, такой принято называть благородным, широкие брови и глаза. Все-таки, главное — глаза. Большие, чуть раскосые бабочкины крылышки. Совсем не черные, как показалось ему в первый раз. Темно-темно-карие. Карамельно-ирисочные глаза, затягивающие — вляпался и завяз. Она сидела неподвижно, сложив на затянутых в голубенькую джинсу коленях маленькие ладошки. Неподвижно, как портрет. Портрет в серой металлической икеевской раме.

— Что рассказывать? — Он крутил в руке пластиковый стебель.

— Не знаю. Что хочешь. Ты же меня искал. Ты и рассказывай.

Они сразу стали на «ты». Это казалось Саше само собой разумеющимся. Ведь они уже давно знакомы, целых два месяца. По крайней мере, он с ней.

— Ладно. Я — Саша. А, да, я уже говорил. Двадцать восемь лет. Работаю в офисе. Живу с мамой. Вот такая анкета.

— Офисный планктон, значит?

— Ну типа...

Он не стал говорить, что работает топ-менеджером в одной из ведущих компаний в строительном бизнесе, что получает более чем приличную зарплату, колесит по городу на белой ауди А7 и с мамой живет в районе Московского проспекта в сталинке, в просторной трехкомнатной квартире. С мамой и еще с котом Фунтиком, рыжей капризной бестией.

— А ты? Сама сказала, у меня obsессия. Я, пока все про тебя не узнаю, не отстану.

— Да что рассказывать. Работаю. Вон, сам видишь, цветочки крутим. Свадебные гирлянды, венки похоронные, все, что хочешь. Тебе не надо? А то могу со скидкой, по знакомству.

Улыбнулась. Словно осветилась вся.

В комнату вошла Нафиса с большой джезвой в руке. Посмотрела на них.

— Кофе не хотите?

— Нет, спасибо. Мы разговариваем.

Та пожала плечами:

— Как хотите. К Гамзе пойду тогда. С ней кофейку попьем. Только печенье возьму. Она прошла узкой тропинкой к столу, как-то ухитрившись не задеть ни одного висящего на стене венка. Раздвинув цветочную кучу, выкопала книжку «Эмоциональный интеллект» и упаковку «Марии». Книгу бросила на второй ярус кровати, печенье взяла себе. Ушла. Только шлейф кофейного духа остался. Манящий. Вкусный. Саша вдруг почувствовал ужасный голод, аж до тошноты.

— Может, пойдем, перекусим где-нибудь. Я полдня ничего не ел. Очень хочется. Правда.

Она хмыкнула.

— Ну пойдём. Только я сама за себя заплачу. А то...

Что «а то...» не сказала. И так понятно. Саша выставил ладони перед грудью упреждающе:

— Само собой. Я и не собирался.

На углу Галерной и Площади Труда была «Евразия». Туда и зашли. Несмотря на пятничный вечер, зал был полупустой, официантки лениво кучковались у стойки.

Заказали суши и зелёный чай. Долго не несли. Потом на столе появился пузатый круглый чайник и пара чашек. Саша хотел налить сразу, но Наргиза остановила его — пусть заварится.

— Я выйду, маме позвоню? А то она волноваться будет.

Наргиза подумает, что он при ней разговаривать не хочет. На самом деле Саша не хотел светить свой новенький айфон последней модели. Мать всегда говорила: «Не надо провоцировать людей». Вот он и не будет провоцировать, пусть не смотрит на него, как на богатенького домогателя.

Когда вернулся, Наргиза пила чай меленькими глотками, оперев локти на стол, сжимая чашку обеими ладонями. Будто грела руки.

— Позвонил? Ты только с мамой живешь?

— Да. То есть не совсем. Ещё с котом. У меня отца никогда не было. Нет, понятно, что кто-то в моем рождении поучаствовал. Но человека, которого можно было бы назвать отцом, не было. И знаешь, мать мне лапшу на уши не вешала про гонщика, альпиниста или летчика-испытателя. Я в четыре года один раз спросил, где мой папа. А она посмотрела мне прямо в глаза и с паузой после каждого слова отчеканила: «Его никогда не было». Так сказала, что я своим детским умишком сразу понял, больше не надо про это спрашивать. И уже не спрашивал.

Она смотрела на него поверх чашки:

— Я тоже с мамой всю жизнь жила. Почти всю.

Он удивился такой общности.

— У тебя тоже отца никогда не было?

— Почему не было? Был. Он умер, когда я маленькая была. Я даже врачом хотела стать. Чтобы всех спасти. Потом поняла, что во врачи не гожусь. Я хотела на психологический поступать. У нас в Самарканде.

— Не поступила?

— Не поступала. Не дали.

— Кто не дал. Мама?

— Дядя. Дядя Жасур — глава нашего рода, папин брат. Когда папа умер, дядя Жасур о нас заботился. Помогал. Мама с ним почти никогда не спорила. Один раз только, когда меня в русскую школу отдала. Дядя был против: «Зачем ей русский язык, хочешь, чтоб в Россию уехала? Всегда знал, что Алишер не на той женился. Не в ту ты, женщина, сторону глядишь». Он хороший человек, дядя Жасур. Правильный. Слишком правильный.

— У тебя что, мама – русская? То-то я смотрю, ты по-русски свободно говоришь, без всяких там... — он замялся, — без ошибок.

— Нет. Она узбечка. Но ее русские удочерили. Она детдомовская была. Поэтому мама получилась Гузаль Викторовна Петрухина. Имя оставили узбекское, как в детдоме записано было. Хотели, чтоб свои корни помнила, национальные. И училась она в узбекской школе. Такие вот интересные люди были мои дед с бабкой.

Официантка принесла подносики с суши. С ленцой поставила на стол. Буркнув «Приятного аппетита», удалилась. Они занялись рисовыми комочками. Наргиза не спеша палочками прихватывала, макала в мисочку с соевым соусом. Саша быстро заглатывал их один за другим, едва плеснув сверху из соусничка. Есть, и правда, хотелось ужасно. Прикончив одну порцию, потянулся за второй. Слегка поднаевшись, продолжил расспросы.

— А в Питере-то как оказалась? Давно тут?

Почему ему казалось важным, просто необходимым все знать о ней? Он и сам не смог бы ответить на этот вопрос.

— Два года уже. Я из дома сбежала. Ну, не совсем из дома, скорее от дяди. Он у меня документы отобрал, чтоб я не поступала. Говорит: «Вот выдам тебя замуж, а потом, если муж позволит, поступай куда хочешь. Когда уже прием закончился, паспорт вернул. На работу устроил к себе — бумажки в бухгалтерии переключивать. Добрый, я же говорю. Да я-то — кобылка брыкливая. Тут как раз к моей однокласснице сестра вернулась. Она в Питере уже давно работала. А сестренка подросла, она и ее решила сюда перетянуть.

Ну я и попросилась: возьмите меня с собой. Маме сказала: уеду. Она не спорила, денег собрала на билет. Я и выпорхнула из-под дядиной руки.

«Надо же, девчонка совсем, давно ли школу закончила, а не побоялась — махнула через полгеографии в неизвестность. С подружкой за компанию. Смелая. Небось, не просто было здесь устроиться. Справки всякие, патент... Что они там оформляют, чтобы работать? Или она нелегалка? Может и так. Спросить? А зачем? Мне зачем? Да она и не скажет».

Все было съедено. Чай выпит. Они подозвали официантку и расплатились. Как и было условлено — каждый за себя. *«Вот сейчас провожу ее до дома и все. Я свою навязчивую идею удовлетворил. Должен был найти садовницу и нашел. Теперь я свободен».* Но Саша знал, что врет себе, что одного «ознакомительного» вечера ему недостаточно. Ему хотелось еще раз встретиться с этой девушкой. А то и не раз. И уже подходя к ее подворотне, теребя в руке пластиковый букетик нарциссов, он сказал:

— Послушай, завтра суббота. Может сходим куда-нибудь? Или съездим за город, в Пушкин, например. Там, знаешь, такой парк интересный. Не где дворцы, а другой, Александровский. Там замки готические. Маленькие, как игрушечные. Ты была в Пушкине?

Она покачала головой.

— Не была?

Они стояли возле стены особнячка у распахнутой подворотни. Свет висящего на растяжке над улицей фонаря падал в ее поднятое к Саше лицо. Она улыбалась. Едва заметно. Такая плавающая полуулыбка. Как еще назвать, он не знал. Она опять покачала головой.

— Завтра я улетаю. Рано утром. В шесть пятнадцать.

— Куда?

— Домой.

— Почему?

— Замуж выхожу.

— Зачем? Ты же из-за этого уехала.

Наргиза пожала плечами:

— Да. Взбрыкнула — уехала. А толку? Денег не заработала, жизнь не устроила, в институт не поступила. Сплошные «не». Мама там одна, хворает, дядя очень просит вернуться. Жить, как люди. Замуж меня выдаст.

— И жениха ты увидишь только на свадьбе...

Она рассмеялась:

— Ну вот еще. Ты уж прям думаешь, там у нас средневековье. Мы с ним на одной улице выросли, в детстве вместе абрикосы у соседа воровали. Темир — хороший парень. Двоюродный племянник дядиной жены. Почти родственник. В институт поступлю. Что, он мне не позволит что ли? Он сам еще студент. В этом году заканчивает. Закончит, и свадьбу сыграем. Нормально. Так что, прощай, Саша. Моя страничка в книге твоей судьбы была очень короткой. Не страничка даже — абзац.

Она протянула ему ладошку. Он задержал ее в своей руке. Хотел еще что-то сказать. Но не нашел, что.

— Ну, прощай, цветок души моей. Счастливо добраться.

Сел в машину, бросил пластмассовый букет на торпеду.

Ему снился сон: огромное поле пластиковых цветов. Розовые розы, желтые нарциссы, белые хризантемы и какие-то неизвестные, условные цветы всех фасонов и расцветок. Поле было словно в кадре. Словно на экране. А Саша снаружи, как зритель. Цветы шевелились, хотя ветра не чувствовалось, они бормотали что-то неразборчивое. По тропинке через поле шла вглубь кадра Наргиза. Она шла, а цветы поворачивались к ней. Это с ней они разговаривали. Саша позвал ее:

— Наргиза! Я здесь!

Но разве докричишься до того, кто на экране?

Она ушла далеко-далеко, стала совсем маленькой. И вдруг, обернулась и помахала рукой. Саша точно знал, что машет она ему. А потом она вышла из кадра. Исчезла. Совсем. И сразу изображение обесцветилось. И словно потрескалось. Серые лепестки ссыпались на землю, серые пластиковые стебли стали ломаться с таким противным хрустом, будто под ногой давятся насекомые, жуки или сороконожки.

Саша проснулся. За откинутой оконной рамой шумел дождь, лупил по жести отлива, шуршал по асфальту. Свет фонаря сквозь незанавешенное стекло облизывал желтые лепестки букетика, лежащего на подоконнике.

Он ткнул пальцем в мобильник — без пяти пять. Еще можно успеть.

Через десять минут он был за рулем.

А еще через десять белая ауди летела сквозь тугие струи дождя по Пулковскому шоссе в сторону аэропорта.